

ет, как опасно порою пытаться втискивать жизнь в рамки определенной системы. Правда, у Марселя Малькора чувствуется больше реальное, конкретное восприятие жизни, чем у Борна и Анри, не прошедших, как Малькор, практической индустриальной школы в мастерских и на предприятиях. Но, быть может, необходимо было бы услышать подлинный голос трудящегося, им лично выраженный и на его языке изложенный опыт, охватывающий всю органическую сложность производственного мира.

Тем не менее, труды Малькора, Борна и Анри, представляют большой вклад в христианское социальное учение. Их главная заслуга именно и заключается в том, что они ставят проблему труда и подчеркивают необходимость создания новой трудовой философии.

Больше того, идеология разбираемых нами авторов не есть нечто случайно или искусственно создавшееся. Она отвечает определенным, почвенным устремлениям французского и бельгийского христианско-трудового движения. Эти устремления были выражены с исключительной силой на последнем конгрессе ЮС'а (Христианская трудовая молодежь), на котором тысячи молодых рабочих проявили свою солидарность, как в социальном, так и в духовном плане. На этом знаменательном съезде, как помнится, обидня служилась на алтарь, сооруженном из каменного угля и железной руды, освещенном фонарями рудокопов. Человек, «поднявшийся из недр земли на свет Божий», как бы праздновал свое освобождение от «давящей материи».

Книги Малькора, Борна и Анри лишней раз наводят читателя на мысль, что тяжелые грозовые тучи, нависшие над современным миром, могут быть разряжены лишь духовными силами. В то время как казавшийся несокрушимым «стальной Вавилон» все больше теряет свою реальность и превращается из сгущенной материи в картонный город, евангельское учение, наоборот, свидетельствует о своей силе и динамике. Ибо оно одно предлагает не горизонтальное, а вертикальное, трансцендентное разрешение трудовой проблемы, несущее с собой подлинное расширение плостного человека.

Елена Извольская.

ОБЩЕЕ ДѢЛО

Почему о Федоровѣ не пишут? Даже профессиональные литераторы, еженедѣльно строчащѣ статьи — и о второстепенном и третьестепенном — никогда или почти никогда о Федоровѣ не заикались. Это очень симптоматично: о первостепенном, главном, трудно писать, а о сверхстепенном — совсѣм невозможно. Руки опускаются от страха — исказить, опростить; чувствуешь значительность каждой

мелочи — и боишься чрезвычайной ответственности. Этим, вѣроятно, объясняется формальная «неудача» Федорова, самого оригинального русского мыслителя. Его «записку» от неученых к ученым («Вопрос о братствѣ или о родствѣ, о причинах небратскаго, неродственнаго, т.-е. немирнаго состоянія міра и о средствах къ возобновленію родства») в отрывках читали еще Достоевскій, Соловьев, Толстой. Но отдѣльвались как-то по школьному: писали ему восторженныя письма, порицали «детали» (уговаривали отказаться от воскрешенія мертвых). В их же творчество, в их сознаніе Ф. не вошел (осознательно): как будто они все откладывали «это» на болѣе зрѣлое, на спасительное — потом.

Федоровское «дѣло» до сих пор еще не напечатано цѣликом: даже не извѣстно, какая часть издана — двадцатая или десятая. Одни объясняют это тѣм, что нельзя еще всего обнародовать — не досрочно, — другіе отмачиваются. Ученики же его на каждую страницу Ф. издали, примѣрно, по собственной брошюрѣ, гладко строя плоскую систему (Ф. боялся «систем»). Мнѣ случалось встрѣчать людей равнодушных к Ф. (это чаще всего люди «дореволюціоннаго» склада), но большинство из них ознакамливались с «общим дѣлом» не по Ф., а — по его ученым ученикам. Платона же своего Федоров видимо, еще не имѣет.

А между тѣм федоровскія идеи таинственным, ирраціональным путем проскользнули в самую гущу (подчас) жизни, живут (неосознанно) во множествѣ людей, довлѣют им. Нѣтъ, нѣтъ, в любой «гущи», в любом залѣ, да мелькнет Ф. Встрѣчаются энтузіасты Ф. (это особый психологическій тип), они часто совсѣм его не читали и все же в цѣлом «знают» его: так намагничены поля Ф., такой явственной аурой он окружен.

Учениками Ф. оказались и большевики. Питилѣтка — куца, оскопленная федоровская идея.

Плановую борьбу со смертью можно начинать только в братствѣ! «Они умерли, а мы остались: значит, мы их недостаточно любили. Они умерли потому, что мы их недостаточно любили». Бог не может хотѣть смерти. Смерть есть слѣдствіе, завершеніе отсутствія любви. Отсюда федоровское «братство сынов для воскрешенія умерщвленных отцов». Братство построенное по образу Св. Троицы: нераздѣльной и неслиянной. Всемирная армія, планоно борющаяся со слѣпыми, косными силами природы. Армія, сражающаяся не за страх, а за совѣсть, потому что рѣшается вопрос личнаго безсмертія и воскрешенія личных отцов и «дядей». Основа смерти в небратском состояніи міра. Общими усиліями, братьям нетрудно обуздать, «вернуть» стихійныя силы природы. Это онѣ медленно и неуклонно работают на смерть и на распад. Но если иначе «поставить паруса», то эти же косныя силы начнут работать ежесекундно на воссозданіе, на воскрешеніе.

В каждом из нас жива хоть одна «клетка» ушедших предков. И как одной искры достаточно, чтобы раздуть пламя, так этой «клетки» достаточно, чтобы «раздуть» умерщвленного. И если постигние истину занимают определенным делом, то всякий, занимающийся этим делом, — постигает истину; такова метафизика общего (праваго) дела и действия. Вся жизнь превращается в дело воскресения (других дел нет); литургия, наконец, выносится за пределы храма — обнимает всю жизнь. И почтальон, вручающий письмо адресату, принимает участие во вѣхрамовой литургии: потому что и письмо это будет так или иначе связано с делом воскресения. Бог свершит все общанное — руками преображенных любовью людей. На этой земле все сомкнулось в порочном кругѣ истребления. «Я убиваю себя, чтобы не убивать других» (предсмертная записка Вейнингера). Одно пожирает другое, одно произрастает из другого, новое поколѣние вытесняет старое — отцов. Вся земля уже повторенный, трупный прах. Нужно порвать эту цепь, уйти с этого кладбища, перейти на другие планеты — не оскверненные смертью. Естественно, что, в противоположность многим, Ф. думает, что наша техника — еще дѣтский лепет, что она направлена на губительный вздор, что ее нужно стимулировать под определенным углом. Некоторые публицисты специализировались на канадской пшеницѣ и на бразильском кофе. Действительно: топят, сжигают. Но подсчитал ли кто-нибудь, что получится, если 300 миллионам индусов и 400 миллионам китайцев дать хлеба до сыта: по полтора фунта на человека, — и ежедневно? На долго ли хватит канадской пшеницы? А бразильское кофе? (кстати, к нему, кажется, полагается сахар). А если на сегодня и хватит, то, вѣдь, один неурожай — ливни или засуха — может все изменить. А в отношении регуляции погоды, послѣ зонтика, человек еще ничего не придумал. Горожанин не чувствует своей зависимости от стихийных, слѣпых сил природы, но в полѣ онѣ господствуют всецѣло. Мысль Ф., в моем ощущении, слѣдующая. Весь наш пресловутый технический прогресс касается предметов роскоши. Мы в состоянии одѣть весь мир в шелковые чулки и снабдить его презервативами. Но предметов первой необходимости (хлеб, здоровья, жизни) мы дать не можем. А беспланивая наука и промышленность, толкаемая разрозненными, эгоистическими интересами, ничего кроме раздора дать не сможет. Эта конкурирующая промышленность «шелковых чулков» рождает войны и революции; ее же родила — похоть. Цѣнный для творчества сексуальный момент, очищенный от похоти, Ф. направляет на другое: вмѣсто смертоноснаго зачатія — воскресение отцов. Главное зло не социальное, а биологическое: смерть и ее производныя. Братство и единство поколѣний: молодых и старых, живых и умерщвленных — вот новые «космическіе» лозунги, с которыми суждено встрѣтиться российскому максимализму.

В. С. Яновскій.